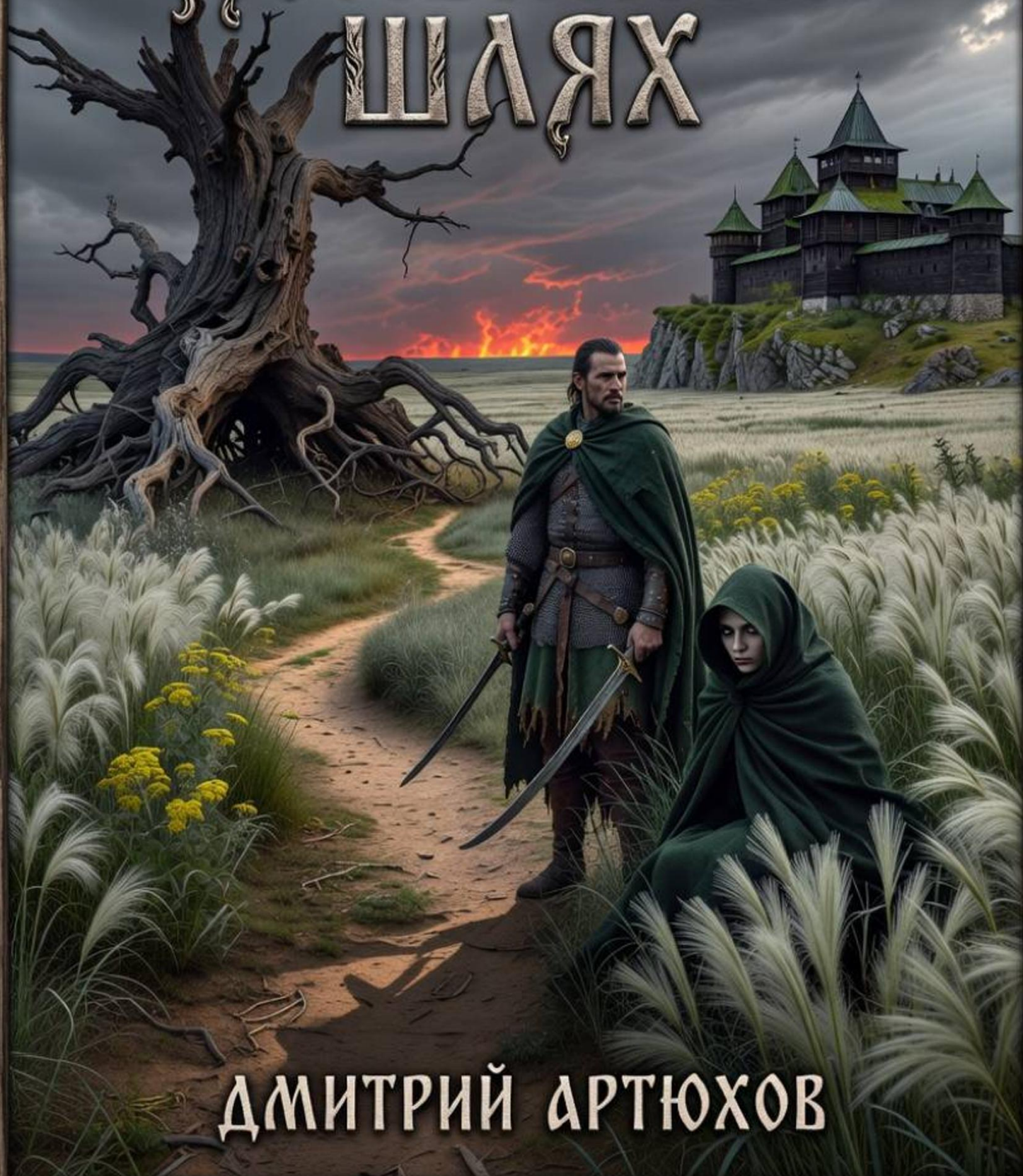

ВЕНЕЦ ИЗ КОВЫЛЯ

КНИГА ПЕРВАЯ

ПОЛЫННЫЙ ШАХ

ДМИТРИЙ АРТЮХОВ

Венец из ковыля

Дмитрий Артюхов

**Венец из ковыля. Книга
первая. Полынный шлях**

«Автор»

2026

Артюхов Д. В.

Венец из ковыля. Книга первая. Полынный шлях /
Д. В. Артюхов — «Автор», 2026 — (Венец из ковыля)

Её кровь — древнее проклятие. Любой мужчина, оказавшийся рядом, теряет разум и превращается в обезумевшего от страсти раба. Пойманная в Диком поле, Ладолея обречена стать покорным оружием в чужих руках. Конвой в стольный град возглавляет Валдар — суровый княжич, чья воля закована в лед. Он единственный в мире, на кого не действует её смертоносный морок. Поначалу для него она лишь опасная пленница, долг, который нужно исполнить. Но трудный путь через стылые степи меняет всё. Рядом с ним Ладолея впервые чувствует себя живой женщиной, а не монстром. А под ледяной броней Валдара просыпается нежность, неподвластная ни одному колдовству. Их сближение подобно искре в сухом ковыле, а впереди ждут жестокие законы княжьего двора. Что выберет воин: следовать присяге или обнажить клинок против всего мира ради той, без которой больше не может дышать?

Дмитрий Артюхов

Венец из ковыля. Книга первая. Полынный шлях

Глава 1. Костер, который не загорелся

Гарь резала ноздри. Не та честная гарь, что идет от березовых поленьев в домашнем очаге, когда дым лениво вьется над кровлей, обещая тепло и ужин. Эта вонь была душной, жирной, с привкусом старой шерсти и паленого мяса. Валдар натянул поводья, чувствуя, как под коленями вздрагивают горячие бока гнедого. Конь всхрапнул, косясь на серые избы, замершие вдоль наезженного пути, словно напуганные звери.

За спиной смолк перестук копыт. Отряд остановился. Слышно было только, как поскрипывает кожа седел да тяжело дышат уставшие кони после долгого перехода по пограничью.

— Дурное место, — негромко бросил Смага, сплевывая в дорожную слякоть густую, перемешанную с пеплом слюну. Старый десятник, чье лицо напоминало иссеченную ветрами дубовую кору, прищурился на пляшущие впереди отсветы. — Чуешь, княжич? Не лесом пахнет. Человечиной.

Валдар промолчал. Он и сам видел: над площадью, там, где у дома старейшины всегда горел костер для путников, клубилось нечто иное. Толпа. Она не шумела — она гудела, точно растревоженное гнездо шершней.

— Вперед, — коротко приказал Валдар.

Они пошли шагом. Десяток конных воинов в кольчугах; круглые умбоны щитов тускло поблескивали в предзакатном свете. Жители деревни, завидев княжеский стяг, не бросились встречать, не вынесли хлеб-соль. Наоборот — жались к плетням, прятали глаза. Мужики стискивали топоры и вилы, но руки их дрожали.

В центре площади, окруженный валом сырого хвороста, торчал вкопанный дубовый столб. К нему, опутанная толстыми веревками, была привязана фигура. На голову пленницы накинули мешок из грубой дерюги, но сквозь прорехи виднелись слипшиеся пряди черных, как вороново крыло, волос.

— Истинное зло! — визжал сорванный бабий голос.

Старуха Скрева носилась вокруг столба, размахивая сучковатой палкой. Ее лицо, испещренное глубокими морщинами, застыло в гримасе исступления. Она тыкала клюкой в сторону пленницы, и каждое ее движение вызывало у толпы новый приступ воя.

— Она коров извела! Она мужиков сушит! Гляньте на нее — ведьма! Навье отродье! Сжечь! Чистым огнем Сварога выжечь скверну!

Валдар чувствовал, как воздух вокруг столба становится вязким. Не от дыма — от чего-то иного, что не имело запаха, но тяжело ложилось на грудь. Он видел, как меняются лица его людей. Ветран, самый младший в отряде, чья борода еще едва пробивалась, подался вперед в седле. Его глаза затуманились странной, мутной поволокой.

— Княжич, гляди... — прошептал Ветран. Голос его сорвался на хрип. — Разве ж можно так... Она ж живая.

Парень не дождался ответа. Прежде чем Смага успел схватить его за плечо, Ветран спрыгнул на землю. Сапоги чавкнули по весенней грязи. Он рванулся к столбу, расталкивая опеших баб.

— Прочь! — крикнул он, выхватывая меч. Сталь хищно звякнула, выходя из ножен. — Прочь, воронье!

Он подбежал к столбу и одним рывком сорвал мешок с головы Ладолеи.

Мир словно замер. Валдар увидел, как Ветран пошатнулся, будто принял удар в грудь. Пленница подняла голову. Ее лицо было измазано сажей и кровью, разбитая губа припухла, но глаза... Огромные, темные, они светились изнутри той самой слепой магией крови, которая не спрашивает согласия, а просто берет свое.

Магия Ладолеи ударила по Ветрану. Молодой воин оцепенел. Клинок, который он держал так уверенно мгновение назад, дрогнул. Зрачки парня расширились, поглощая радужку. Гнев сменился чем-то более страшным — безумным, рабским обожанием. Он развернулся к своим же товарищам, загораживая девку широкой спиной.

— Моя... — выдохнул он, и в этом слове не было ни капли любви, только животная, яростная одержимость. — Кто тронет — голову срублю. И тебе, Смага, и тебе, Валдар!

Скрева зашлась в крике:

— Видите?! Видите, родичи?! И воина княжьего опутала! Жги их обоих!

Толпа глухо выдохнула и подалась вперед. В воздухе запахло уже не просто гарью, а близкой, неизбежной кровью.

Валдар медленно спешил. Он чувствовал, как невидимые волны чужой силы разбиваются о него, не находя лазейки. Его кровь — холодная, глухая к ворожбе — не принимала этот зов. Для него Ладолея оставалась просто избитой, загнанной в угол девкой, которая, спасая свою жизнь, инстинктивно хлестала силой по всем вокруг.

— Ветран, опусти меч, — голос Валдара прозвучал ровно, почти буднично, разрезая истеричный гул смердов.

— Не подходи! — взвизгнул парень. Он замахнулся, клинок описал неровную дугу. — Убью! Она — богиня! Она — всё!

Валдар сделал шаг. Потом еще один. Он не брался за рукоять сабли. Он шел прямо на занесенную сталь, глядя не на лезвие, а в пустые, шальные глаза своего дружинника.

Ветран ударил. Грубо, сверху вниз, без всякой хитрости — просто хотел разрубить то, что мешало ему видеть Ладолею. Валдар ушел в сторону коротким, экономным движением. Схватил Ветрана за запястье, одновременно жестко ударив под локоть. Кость хрустнула, меч выпал в грязь.

Княжич не остановился. Он крутанул взывшего парня вокруг оси и впечатал лицом в потемневший от сырости дубовый столб, рядом с коленями Ладолеи.

— Смага, заberi его. В колодки. И рот заткните, чтоб не выл.

Десятник и Кремень уже были рядом. Они быстро, без лишних слов скрутили бьющегося в истерике Ветрана и поволокли его к коням. Толпа роптала, но лезть под топоры Кременя никто не рискнул.

Валдар выпрямился и повернулся к столбу.

Ладолея смотрела на него. Теперь, когда дерюга была сброшена, он видел ее всю. Тонкая шея, синяки на ключицах, тяжелое, прерывистое дыхание. Она пыталась дотянуться до его разума, он чувствовал это как зуд на коже, как шепот в сумерках. Она ждала, когда он падет на колени. Когда он, как и тот мальчишка, начнет лизать ей руки и обещать смерть всему миру.

Но Валдар стоял прямо. Его взгляд был тяжелым и абсолютно трезвым.

— Кто тут старшой? — спросил он, не оборачиваясь к Скреве.

— Я за старшую! — старуха выскочила вперед, брызгая слюной. — Она ведьма, княжич! Она...

— Она — княжье добро, — перебил ее Валдар, и голос его стал стальным. — Все, что найдено на пограничье, принадлежит казне князя Вельмира. Включая тех, кто владеет силой. Вы хотели сжечь княжескую добычу, старуха?

Скрева осеклась. Ее глаза забегали, она искала поддержки у мужиков, но те уже начали пятиться. Одно слово «князь» в этих краях весило больше, чем любые проклятия.

— Развязывай, — приказал Валдар Браге, который уже держал наготове нож.

Веревки лопнули. Ладолея не удержалась на ногах — она начала падать прямо в грязь, но Валдар подхватил ее. Она оказалась неожиданно легкой и пахла не только дымом, но и чем-то еще... горькой полынью и старым, нехоженым лесом.

На мгновение их лица оказались совсем рядом. Она вцепилась ледяными пальцами в его кольчугу. Ее зрачки дрожали, пытаясь нащупать хоть какую-то слабинку в его душе. Она не понимала. Она впервые видела мужчину, который смотрел на нее и видел просто девку, а не божество или ночного монстра.

— Жить хочешь? — негромко спросил он.

Ладолея не ответила. Она только судорожно сглотнула, и в ее глазах, за пеленой ведовского морока, на миг промелькнул настоящий, подлинный ужас.

— В седло ее, — бросил Валдар дружинникам. — Уходим. До темноты надо выйти к урочищу. Здесь оставаться нельзя — воздух отравлен.

Деревня оставалась позади. Скрева еще долго что-то хрипела вслед, трясая сухими кулаками, но ее голос быстро утонул в шуме ветра, гуляющего по ковыльной степи. Валдар ехал впереди, чувствуя на себе взгляды своих людей — тяжелые, непонимающие, полные затаенного страха. И один взгляд в спину — Ладолеи, которую везли на выючной лошади под присмотром угрюмого Смаги.

Княжич знал: он только что взял в руки огонь, который не гаснет от воды. И этот огонь либо осветит им путь, либо сожжет их всех дотла.

Глава 2. Цена приказа

Селище осталось за спиной, но вонь горелого дерева и грязного бабьего безумия все еще тянулась за отрядом, путаясь в конских гривах. Валдар осадил гнедого. Они отъехали едва ли на полет стрелы — покосившийся частокол деревни еще чернел в сгущающихся сумерках, как гнилые зубы.

— Стой! — бросил Валдар, не оборачиваясь. — Ветрана перевязать крепче. Бьется, коню спину собьет.

Дружинники спешили неохотно. Смаге не нравилась эта тишина в строю. Слишком густая, слишком тяжелая — такая бывает перед тем, как небо лопнет грозой или лесной пожар перекинется через просеку.

Десятник подошел к Валдару вплотную. Он не смотрел на выючную лошадь, где, сжавшись в комок, сидела девка. Смага смотрел на Ветрана. Парень, перекинутый поперек седла, мычал сквозь стянувший челюсти ремень и судорожно выгибался, не щадя сломанной руки, лишь бы хотя бы краем глаза зацепить Ладолею.

— Оставь её, княжич, — голос Смаги был сух, как треск ломающейся ветки. — Пока недалеко ушли. Вернем, кинем бабам. Боги примут требу, и забудем это как дурной сон.

Валдар медленно повернул голову. На скуле у него уже потемнело пятнышко чужой крови — Ветран все-таки зацепил его там, на площади.

— Она — живой свидетель, Смага. Она — разгадка. Ты видел, что она сделала с лучшим мечом младшей дружины?

— Видел, — Смага сплюнул под ноги, в ковыль. — Потому и говорю: брось. Она не баба. Она — моровая язва в девичьем обличье. Глянь на ребят.

Валдар обернулся. Дружина ждала. Векша нервно теребил поводья. Брага, первый зубоскал в десятке, молчал, и его обычно веселое лицо сейчас казалось вырезанным из серого камня. Они все чувствовали это. Тот самый зуд под кожей, тягучее, липкое желание подойти ближе, коснуться черных волос, заглянуть в темные провалы глаз. Княжий суд и воинская клятва еще держали их на месте, но повиновение это натянулось, как тетива под стрелой. Один неверный вздох — и лопнет.

Смага шагнул вперед, преграждая княжичу путь к коню. Он был старше, шире в костях, и слово его ковалось в крови и долгих походах.

— Это не по чести, Валдар. Вести в стольный град ведьму, которая травит разум твоих людей — это не служба. Это гибель. Мужики в деревне правы: чистый огонь — единственное зелье от такой хвори. Ты думаешь, ты крепче других? Ты думаешь, княжье имя тебя убережет, когда она начнет шептать тебе в кости?

Валдар посмотрел на свои руки. Пальцы были спокойны. Ни дрожи, ни жара. Внутри него стояла странная, почти звенящая тишина. Он чувствовал присутствие Ладолеи как плотную, давящую духоту перед бурей, но его разум оставался ясным. Его кровь, странный дар или проклятие рода Вельмира, была холодной броней.

— Мой отец ждет вестей о смуте на пограничье, — чеканя слова, проговорил Валдар. — Мой отец ждет ответа, почему степняки наглеют, а леса выплевывают нечисть. Эта девка — первый живой ответ за последние десять зим. И я доведу её. Это приказ, десятник.

Смага долго смотрел ему в глаза. Искал там морок. Искал ту самую безумную искру, что выжгла разум Ветрана. Не нашел.

— Кровавая цена будет у этого приказа, княжич, — Смага отступил, тяжело ударив кулаком по наверху своей секиры. — Не говори потом, что старый волк тебя не упреждал.

Валдар коротко кивнул Браге, указав на валяющийся у того в тороках пустой мешок из-под овса:

— Сдерните девку с выючной. Мешок ей на голову. И в седло, сажать впереди Кременя. Он самый крепкий, пусть и везет.

Брага подошел к лошади. Ладолея не сопротивлялась, когда ее стащили на землю. Она так и стояла понуро, обхватив плечи руками. Когда воин приблизился с грубой дерюгой, она не вскрикнула. Только подняла лицо. Валдар увидел, как Брага запнулся. Его рука с мешком замерла на полпути. Сильный, тертый в сечах мужик вдруг часто задышал, а взгляд его заблестел дурным, тяжелым светом.

— Живее! — рявкнул Валдар.

Звук голоса, хлесткий, как удар плетью, вырвал Брагу из оцепенения. Он рывком набросил ткань на голову девушки, скрывая её лицо, её глаза, её волшбу. На мгновение морок, висевший над отрядом, отступил. Стало легче дышать.

Кремень принял ношу молча. Подхватил Ладолею под мышки, легко закинул впереди себя на луку седла. Девка задрожала — мелко, судорожно. Её трясло так, что поводья в руках воина начали подергиваться. Она не билась, не пыталась бежать. Она просто сжималась в комок под этим грубым мешком, превращаясь из страшной навьей твари в загнанного зверька.

— Отряд! — Валдар вскочил в седло. — Векша — в дозор, на два перестрела вперед. Глядеть в оба. Степняки любят запах гари, могут пойти по следу. Молчун!

Худощавый воин на легком степном жеребце мгновенно подобрался, подавшись вперед.

— Гони в стольный град, — приказал Валдар. — Путь неблизкий. Если загонишь коня — бери заводного на заставах, но весть доставь. Князь должен знать: мы взяли живую ведунью. Передай отцу, что мы везем этот груз и что степь чует кровь. Если мы сгинем по дороге — пусть высылают дозорные сотни. Иди.

Молчун лишь коротко кивнул. Не проронив ни звука, он круто развернул коня и с места взял в галоп. Стук копыт быстро растворился в сгущающихся сумерках, унося с собой еще одного бойца и оставляя отряд в стылой степи без малейшей надежды на скорую подмогу.

Они двинулись прочь от деревни. Валдар чувствовал спиной тяжелое молчание Смаги. Но больше всего он чувствовал груз в середине своего десятка.

Он ехал первым, прокладывая путь. Копыта гнедого глухо стучали по битому пути, который скоро должен был смениться диким полем и звериными тропами. Ветер с востока принес запах горькой травы и раннего заморозка.

«Горящая стрела в сухом стогу», — подумал Валдар, вглядываясь в заходящее солнце. — «Я везу с собой искру, от которой вспыхнет все поле».

Он вслушивался в себя, в глухую тишину собственной крови. Почему он? Почему его отец никогда не боялся волхвов, а сам Валдар мог спокойно проходить сквозь мороки Лесовиков, которые путали следы бывалым охотникам? Кровное право. Он видел Ладолею такой, какая она есть: испуганная, сломленная женщина, наделенная силой, которой сама не вольна управлять. Магия её рода — это не наговор волхва, это кровь. Дикая, слепая жажда жизни, которая заставляет мужчин вокруг неё превращаться в цепных псов, готовых рвать глотки за один её вздох.

И то, что он единственный понимал это, делало его самым одиноким человеком в отряде.

За спиной снова послышался глухой удар и мычание. Валдар придержал коня. Ветран, стянутый веревками, бился поперек седла с утроенной силой. Его вой сквозь кляп был полон такой смертной тоски, что даже кони начали прядать ушами и косить налитыми кровью глазами.

— Держи ровно! — гаркнул Смага на воина, что вел коня Ветрана. — Еще раз дернется — к хвосту привяжу!

Валдар отвернулся. Ему нужно было вывести их к урочищу до полной темноты. Там, среди древних камней, защищенных старыми чурами, была робкая надежда на спокойную ночевку.

Степь дышала им в лица. Полынь, полынь и бесконечный шорох ковыля, похожего в сумерках на седые волосы великанов, спящих в этой земле. Валдар знал: главная сеча сегодня будет не с кочевниками. Она будет ночью, у костра, когда тишина станет слишком громкой, а мешок на голове пленницы перестанет спасать от того, что течет в её жилах.

Он сжал рукоять сабли. Холодная сталь успокаивала ладонь. Но где-то глубоко, там, куда не дотягивался лед его крови, заворочалось странное, непрощенное любопытство. Каково это — быть ею? Быть той, чей безмолвный крик о помощи сводит с ума всех, кто посмел подойти слишком близко?

— Прибавь шагу, — бросил он через плечо. — Степь не любит медленных.

Глава 3. Ночевка на кромке леса

Степь кончилась внезапно, словно обломилась. Ковыльное море, еще недавно казавшееся бескрайним, уперлось в глухую, черную стену леса. Здесь, на самом стыке двух миров, стояло урочище — место, где время будто запуталось в корнях вековых дубов. Каменные глыбы, поросшие седым мхом, вкривь и вкось торчали из земли, напоминая зубы давно издохшего великана. Старые люди говорили, что здесь когда-то стояло капище, да только боги ушли, оставив после себя лишь холод и тревогу.

— Привал, — бросил Валдар, осаживая коня у плоского валуна.

Солнце уже провалилось за горизонт, оставив на небе узкую, багровую полосу, похожую на свежий сабельный разрез. Сумерки в пограничье наступали быстро, принося с собой сырость и шепоты, от которых волосы на загривке вставали дыбом.

Отряд спешил. Дружинники двигались тяжело, молчаливо. Обычная вечерняя суeta — расседлать коней, развести огонь, задать корм лошадям — сегодня казалась надломленной. Звери нервничали. Гнедой Валдара постоянно прядал ушами, косился на лес и бил копытом землю, отказываясь брать овес из торбы. Векша то и дело оборачивался на Кременя, у ног которого сидела пленница.

Ладолея оставалась под мешком. Она застыла неподвижной кучей тряпья, едва различимой в синих тенях. Кремень, приставив щит к камню, сел рядом. Он не смотрел на неё, но Валдар видел, как напряжена широкая спина щитоносца.

— Векша, поставь силки на опушке. Брага, за дровами, да только вглубь не лезь, — распорядился Смага. Голос десятника звучал глухо, словно он говорил из-под земли.

Брага, обычно не упускавший случая отпустить соленую шутку, лишь кивнул. Он побрел к сухостою, волоча за собой топор.

— Слышь, Кремень, — бросил он через плечо, и в его голосе прорезалась странная, звенящая нотка. — Ты бы отошел от неё. Мало ли... укусит еще.

Кремень медленно повернул голову. Его глаза в полумраке казались темными провалами.

— Своё дело делай, шут. Я справлюсь.

Валдар отошел к ручью. Вода была ледяной, обжигающей. Он долго держал руки в потоке, вслушиваясь в звуки лагеря. Треск первых веток в костре. Тяжелое, прерывистое дыхание Ветрана, которого привязали к дереву чуть поодаль. Молодой воин уже не был — он скулил, тонко и жалобно. Его сломанная рука висела плетью, но он, казалось, совсем не чувствовал боли, во все глаза глядя туда, где чернел силуэт Ладолеи.

«Кровь», — подумал Валдар, вытирая лицо подолом рубахи. — «Всё дело в этой проклятой крови».

Ведовство Ладолеи не походило на мудрые наговоры седых волхвов. То была слепая, глубинная память рода, жажда выжить, доведенная до иступления. Она не желала зла — она просто хотела жить, и ради этой жизни ломала волю мужчин, превращая их в преданных псов. И то, что Валдар был единственным, кто видел это со стороны, не приносило ему облегчения. Холод крови был его щитом, но этот щит отделял его от собственных людей стеной из льда.

Когда он вернулся к костру, дух в лагере переменялся. Огонь уже разгорелся, бросая пляшущие тени на каменные лики урочища. Запахло дымом и прелым сеном. Векша вернулся с опушки, но силки так и остались в руках — он забыл их расставить. Разведчик стоял у костра, не сводя глаз с пленницы.

— Что, Кремень, — вдруг сказал Векша, и его голос был полон ядовитой насмешки. — Тяжело, небось, такую ношу везти? Руки не чешутся?

Кремень поднялся. Медленно, словно нехотя.

— Чего тебе, малый? Иди коней проверь.

— А я, может, помочь хочу, — Векша шагнул ближе. — Мешок на ней грязный. Дышать девке нечем. Мы ж не звери, а, княжич?

Валдар промолчал, наблюдая. Смага, сидевший у огня и точивший саблю, замер. Сталь перестала скрежетать о камень.

— Отойди, Векша, — негромко сказал Смага. — Приказ был — не трогать.

— Да какой там приказ! — Брага, бросивший охапку дров у огня, вдруг вклинился между ними. Его лицо покраснело, жилы на шее вздулись. — Ты глянь на неё, Смага! Сидит, бедолага, трясется. Кремень её как мешок с репой бросил. А она ж живая! Тонкая, как березка...

— Тонкая? — Векша зло рассмеялся. — Ты её глаза видел? Там бездна, Брага. Но я бы в ту бездну нырнул. Подвинься, Кремень. Я только посмотрю.

Кремень молча выставил вперед тяжелую ладонь, упираясь Векше в грудь.

— Сказано — не трожь. Моя ноша.

— Твоя?! — Векша вспыхнул. — С каких это пор княжья добыча твоей стала?! Ты её в деревне не спасал! Ты её только на седло закинул!

Воздух на урочище стал душным, несмотря на лесной холод. Валдар чувствовал, как ворожба Ладолеи, подпитываемая её страхом и близостью леса, начала просачиваться сквозь мешок и веревки. Она не шептала слова — она била по самому нутру. Мужчины вели себя как кобели в гоне, только вместо похоти в них просыпалась черная, яростная ревность.

— А ну тихо! — рявкнул Смага, поднимаясь.

Но его уже не слышали. Векша попытался оттолкнуть руку Кременя, тот сжал пальцы в кулак. Брага уже тянулся к ножу на поясе, и в его глазах горел тот самый масляный блеск, что Валдар видел у Ветрана.

— Она просит... — прошептал Брага, глядя на пленницу. — Вы не слышите? Она плачет. Ей холодно. Я согрею...

— Я согрею! — Векша бросился вперед, пытаясь проскочить под рукой Кременя.

В ту же секунду Кремень ударил. Коротко, в челюсть. Векша отлетел к костру, едва не упав в угли. Брага взревел и прыгнул на спину Кременю, вцепляясь ему в горло с яростью дикого зверя. Смага бросился разнимать их, но Брага отшвырнул старого воина с такой силой, что тот отлетел к седлам.

Валдар понял: слова здесь больше не властны. Он сорвался с места. Он двигался скупно, без слепой злобы, ведомый одной лишь ледяной уверенностью. Он не выхватил саблю — это была бы лишняя кровь.

Он перехватил Брагу за шиворот, рывком отдирая его от Кременя. Ударил под колено, заставляя весельчака рухнуть в грязь. В ту же секунду он развернулся к Векше, который уже поднимался, вынимая из засапожника нож.

— Векша! — голос Валдара хлестнул по нервам. — Глаза на меня!

Разведчик замер. Нож дрожал в его руке. Валдар надвинулся на него. Он видел, как зрачки Векши бешено мечутся, пытаясь сосредоточиться на лице командира. Чары Ладолей бились о волю Валдара, не находя зацепки, и этот холод передавался воину.

— Брось нож, — приказал Валдар.

Векша сглотнул. Его лицо исказилось, словно внутри него что-то рвалось. Наконец, пальцы разжались. Сталь глухо звякнула о камень.

— Что это... — прохрипел Векша, закрывая лицо руками. — Княжич... я не хотел... оно само...

Брага на земле тоже затих. Он сидел, обхватив голову, и плечи его мелко дрожали. Кремень стоял у камня, тяжело дыша, и на его скуле уже наливался багровый кровоподтек.

Валдар обернулся к Смаге. Десятник поднимался, потирая ушибленный бок.

— Коней не седлать, — холодно произнес Валдар. — Смага, Кремень — в караул. Векша, Брага — к лошадям, и чтоб я вас до рассвета у этого огня не видел. Если кто хоть на шаг подойдет к пленнице — высеку лично. Или в цепи закую, как Ветрана.

Дружинники разошлись. Понурые, прибитые осознанием того, что они едва не пустили кровь друг другу из-за девки в мешке. Ладолей всё это время не шелохнулась.

Валдар подошел к ней. Он чувствовал, как от неё исходит жар — не телесный, а ведовской, лихорадочный. Она дышала часто, со свистом. Её ужас перед собственной сутью был почти осязаем.

— Ты, — негромко сказал он.

Она вздрогнула.

— Теперь будешь сидеть отдельно. Там, где я решу.

Он взял её за плечо и грубо поднял. Она была легкой, как охапка сухой травы. Валдар отвел её к самому краю урочища, подальше от костра и людей, в нишу между двумя высокими камнями.

— Садись.

Она опустилась на землю. Валдар закрепил веревки на её руках, привязывая их к выступу скалы. Он сделал это жестко, но без злобы.

— Почему... — вдруг донеслось из-под мешка. Голос был тонким, надтреснутым, как сухая кора. — Почему ты... не как они?

Валдар замер, затягивая узел. Он не видел её лица, но чувствовал её взгляд сквозь ткань.

— Потому что я княжич, — ответил он, и в этом была лишь часть правды. — А князю не положено сходить с ума раньше срока.

Он оставил её одну в тени камней. Возвращаясь к костру, Валдар посмотрел на лес. Ему казалось, что за черными стволами кто-то стоит. Кто-то древний, кто не боится человеческих чар и не подчиняется земным приказам. Лошади снова заржали, и в этот раз их ржание было полно первобытного ужаса.

Ночь на урочище только начиналась.

Глава 4. Шепот Нави

Тьма за краем урочища была не просто черной, а густой, как деготь, и тяжелой, словно мокрая овчина. Ладолея сидела, втиснутая в узкую щель между двумя холодными валунами. Камень сосал тепло из спины, пробирался сквозь тонкую, изодранную сорочку к самым костям. Веревки на запястьях въелись в кожу, и пальцы давно онемели, превратившись в чужие, неживые крючья.

Мешок на голове душил. Ткань, пропахшая пылью, овсом и чужим мужским потом, прилипала к губам при каждом выдохе. Но под этой дерюгой было спокойнее. Там, в тесной темноте, она могла спрятать свои глаза — те самые, что невольно ловили чужие души, как паук ловит беспечных мух.

Она слышала лагерь. Слышала, как затихает ропот воинов, сменяясь тяжелым, нездоровым сопением. Мужчины спали дурно. Даже Смага с Кремнем, поставленные командиром в ночной караул, не устояли перед ведовским дурманом: они осели у своих щитов, поглощенные липким, удушливым забытьем. Навьи сны, рожденные ее страхом, ползли по стоянке, путаясь в бородах дружинников, заставляя их метаться на брошенных поверх стылой земли пополах, вскрикивать и хвататься во сне за рукояти сабель. Она чувствовала этот душный морок, исходящий от ее собственной крови. Кровь звала, кровь просила защиты, кровь требовала, чтобы кто-то пришел и убил ради нее, умер ради нее, сгорел в пепел.

«Уйдите, — безмолвно молила она, зажмуриваясь до резей под мешком. — Уйдите, забудьте, дайте мне просто истлеть в этой яме».

Но Явь не отпускала.

Справа, за черной стеной леса, что-то хрустнуло. Не ветка под копытом, не осторожный шаг дикого зверя. Это был звук, с которым ломается старое, прогнившее дерево, когда в его сердце вгрызается лютый мороз.

Ладолея замерла. Сердце толкнулось в ребра — один раз, гулко и больно.

Шорох приближался. Кони в лагере захрапели, забились на коновязи. Гнедой княжича — она запомнила его норы — взвизгнул, ударил копытом о камень. Воины не проснулись. Морок, который она невольно сплела вокруг костра, держал их крепко, точно путы на ногах смерда.

Тень упала на камни. Она не видела ее глазами, но чувствовала кожей — ледяной холод, запах прелой листвы и болотной гнили.

— Здрав буди, дева под саваном, — голос прозвучал не в ушах, а в самой голове. Скрипучий, как шелест сухой коры.

Тонкие пальцы, похожие на узловатые корни, коснулись края мешка. Ладолея сжалась, вжимаясь затылком в гранит. Мешковина поползла вверх.

Свежий лесной воздух ударил в лицо. Ладолея открыла глаза и судорожно глотнула холод.

Перед ней стоял Хозяин.

Он не был великаном, как в сказках, что бают бабки у очага. Ростом — чуть выше Валдара, но тело его казалось сплетенным из сосновых веток и старого мха. Лицо — иссеченная временем береста, глаза — две щели, за которыми мерцал тусклый, болотный огонь. Вместо

бороды — пучки седого лишайника. На плечах — плащ из волчьих шкур, в которые вросли живые папоротники.

Лесовик. Дух, чье имя не называют в сумерках.

Он смотрел на нее долго. И Ладолея, привыкшая, что мужчины при взгляде на нее либо звереют, либо скулят от похоти, вдруг поняла: ему всё равно. Ее кровь, ее страшный дар, ее наваждение — для него это было лишь шумом ветра в камышах. Он видел не наживку для плоти. Он видел суть.

— Гнилая в тебе сила, девка, — проскрипел Хозяин, склоняя голову. — Род твой издох, а корень всё тянется. Соки чужие пьет. Землю травит.

Ладолея всхлипнула. Слезы прочертили чистые дорожки на ее измазанном сажей лице.

— Я не звала... Хозяин, заклинаю Велесом, заberi меня. Уведи в навий путь, спрячь в болоте. Я не хочу больше... не хочу ломать их.

Лесовик протянул руку — корявую, пахнущую смолой. Коснулся ее лба. Ладолея вздрогнула от нестерпимого холода, но не отстранилась. В голове на мгновение прояснилось, морок отступил, обнажая страшную правду ее одиночества. Она была как костер на ледяном ветру: все тянулись погреться, но каждый, кто подходил слишком близко, превращался в головню.

— В лес тебе нельзя, — Хозяин убрал руку. — Лес не возьмет то, что пахнет человеческим безумием. Ты — не наша. Ты — межа. Между Явью и тем, что за ней.

Он обернулся к лагерю. Его взгляд остановился на фигуре Валдара, спавшего чуть поодаль от костра. Княжич не метался. Он лежал ровно, рука покоилась на рукояти сабли, лицо в отсветах угасающих углей казалось высеченным из темного кремня.

— Камень, — прошепел Лесовик. — Твой человек — камень. Река течет, а камень стоит. Вода его точит, пена глаза застит, а он не шелохнется.

Ладолея посмотрела на Валдара. В груди, там, где раньше жил только ужас, шевельнулось что-то иное. Горькое и острое, как полынь.

— Он не мой, — прошептала она. — Он меня в поруб везет. В цепях.

Лесовик издал звук, похожий на сухой смешок.

— Цепи — это просто железо. Железо ржавеет. А воля — она либо есть, либо ее нет. Держись за камень, девка под саваном. Если он падет — ты сгоришь. Если ты падешь — лес заберет остатки.

Хозяин начал таять. Не уходить, не прятаться в кусты — он просто становился частью теней, частью мокрого валуна, частью ночного тумана.

— погоди! — Ладолея дернулась в путах, врезаясь плечом в камень. — Как мне быть?! Что делать, когда кровь закричит?!

Ответа не было. Только ветер вздохнул в верхушках сосен, да филин ухнул где-то в глубине чащи, провожая того, кто ушел.

Сдвинутый Лесовиком на макушку мешок сполз обратно ей на лицо. Снова наступила тесная, пыльная тьма.

Ладолея привалилась затылком к граниту. Слова Хозяина жгли сильнее, чем веревки. «Камень». Валдар.

Она вспомнила, как он смотрел на нее на площади. Без ненависти, без жажды, без того мутного блеска, от которого ей хотелось выпарапать себе глаза. Он видел ее. Просто женщину. Грязную, избитую, напуганную. Он не сломался, когда она искала в нем брешь. Он просто закрыл дверь и приказал ей сидеть тихо.

Впервые в жизни Ладолея почувствовала не страх перед силой, а жадное, запретное желание — быть рядом с тем, кто сильнее ее проклятия. Он не был спасителем. Он не был добрым. Он был стеной. А за стеной можно было на мгновение перестать быть монстром.

Она закрыла глаза под мешком. Где-то в лагере снова заскулил Ветран, мучимый навьим сном. Смага во сне перехватил секиру, и сталь лязгнула о камень.

А Валдар спал тихо. Его дыхание было ровным, как у человека, который знает, что на заре его ждет долгий путь, и никакие шепоты из чащи не заставят его свернуть с тропы.

Ладолея сжала онемевшие пальцы в кулаки.

«Держись за камень, — повторила она про себя. — Только бы он не треснул. Только бы у него хватило льда в крови еще на один день».

За урочищем, в непроглядной тени берез, снова хрустнула ветка. Лес не ушел. Он ждал. Он всегда ждет тех, кто спотыкается на меже.

Глава 5. Следы на ковыле

Деревья урочища начали редеть, расступаясь и пропуская всё больше сухого, горячего света. Вековые дубы сменились приземистым, колючим кустарником — терном и боярышником, которые цеплялись за кафтаны ратников, словно не желая выпускать их из тени. Рассвет выкипел сухим и желтым, точно старая кость. Лес неохотно отступил, и перед дружиной, словно развернутое полотно, легло Дикое поле. Воздух здесь сделался иным: в ноздри больше не бил прелый дух чащи — теперь в него вплелся терпкий, злой настой полыни и раскаленной пыли.

Валдар ехал впереди, сощутив глаза от едкого света, заливавшего пограничье. Ковыль тянулся до самого края земли, переливаясь под ветром, точно серебристая шерсть огромного, затаившегося зверя. Княжич чувствовал, как под коленями напряженно перекачиваются мускулы гнедого. Конь чуял простор, но не радовался ему. Он прядал ушами, ловя звуки, которые человеческое ухо еще не могло различить.

— Гляди, княжич, — Смага поравнялся с ним, указывая плетью на примятую траву.

Векша уже соскочил на землю. Разведчик, чье нутро еще вчера клокотало от ярости, теперь казался странно тихим, почти покорным. Он присел на корточки, водя пальцами по глубокой борозде в растрескавшейся почве.

— Следы, — бросил Векша, не поднимая головы. — Не наши. Копыта мелкие, некованные. Степные лошадки.

— Сколько их? — Валдар осадил коня.

— Пятеро. Прошли на самой заре. Идут споро, коней не жалеют. Унюхали нас.

Смага глухо выругался, положив ладонь на наверхие секиры.

— Значит, пасутся рядом. Гарь из деревни далеко разнесло, а они на запах крови как воронье слетаются. Не нравится мне это, Валдар. Степь — не дубрава, тут за стволом не спрячешься.

Валдар обернулся к своему десятку. Его взгляд задержался на Ветране. Парня развязали еще в урочище — он больше не бросался на людей и не выл. Он сидел в седле криво, оберегая сломанную руку, но глаза его, пустые и лихорадочные, были неотрывно прикованы к Кременю, который по-прежнему вез пленницу.

Ветран больше не требовал её тела. В нем проросло нечто иное, более жуткое — тихая, рабская преданность. Когда Ладолея неловко дернула головой в мешке, Ветран вздрогнул и подался вперед. Он хотел подхватить её, если она оступится. В этом не было мужской страсти, только собачье желание быть полезным.

— Ветран, — позвал Валдар.

Воин перевел на него взгляд. В нем не было ни вызова, ни страха. Только глухое безразличие к тому, кто не носил в себе искру древней крови.

— В дозор на правое крыло. С Векшей. Голову на плечах держи, если не хочешь, чтобы степняки её на сулицу насадили.

Ветран кивнул. Безропотно. Он просто развернул коня и поехал вслед за Векшей. Перед тем как уйти, парень еще раз оглянулся на серую дерюгу Ладолеи. В этом взгляде читалась готовность лечь костями, если она просто шевельнет пальцем.

Яд преданности.

Валдар вслушивался в тишину своей крови. Ледяная броня рода, полученная от предков, что веками бились с порождениями Нави, держалась крепко. Его разум оставался ясным и твердым. Он видел картину целиком, без морока и суеверий, и чувствовал, как изменился сам воздух вокруг отряда. Волшба Ладолеи сменила повадку. Почувяв, что открытая ярость ведет к цепям, сила внутри неё начала ткать иную сеть. Она больше не натравливала мужчин друг на друга. Она вызывала в них зудящее желание служить.

Брага, который раньше не закрывал рта, теперь ехал молча. Он то и дело поправлял попону на коне Кременя, чтобы пленнице было мягче. Кремень же, обычно безучастный ко всему, кроме щита и меча, теперь придерживал Ладолею за талию с такой осторожностью, будто вез не пойманную ведьму, а великую святыню.

— Она их ест, Смага, — негромко сказал Валдар. — Только не зубами. Душой.

Десятник хмуро кивнул. Его нутро сопротивлялось ворожбе, но и он нет-нет да одергивал свой кафтан, словно хотел казаться перед девкой достойнее.

— Кровь — штука липкая, — пробасил Смага. — Эта девка просто хочет жить. И поле вокруг неё ложится само.

Отряд шел по следу кочевников весь полдень. Степь раскалилась. Пыль забивалась в ноздри, оседала серым налетом на кольчугах и потных лицах воинов. Воды в бурдюках оставалось на донышке.

Ладолея под мешком задыхалась. Для неё всё происходящее слилось в один бесконечный, душный кошмар. Она чувствовала тяжкую, невыносимую вину за то тихое безумие, которое несла с собой. Её плечи поникли, она то и дело клонила в сторону, и Кремень тут же бережно подхватывал её.

— Привал у кургана, — скомандовал Валдар.

Когда они остановились, Брага первым соскочил на землю. Он не пошел к коням. Он подбежал к Кременю, протягивая руки.

— Дай, я её сниму. Ноги у неё затекли.

— Я сам, — глухо буркнул Кремень, не выпуская Ладолею.

— Ты её весь путь вез, руки устали, — голос Браги был вкрадчивым, почти нежным. — Отойди, я помогу.

Между ними снова вспыхнуло напряжение, но теперь оно было тихим, подспудным. Они соперничали за право быть лучшим слугой. Это было по-настоящему жутко. Валдар чувствовал, как внутри него закипает холодная, рассудочная ярость.

— К коням, оба! — рявкнул он. — Ладолею ко мне. Смага, проследи.

Воины нехотя отступили. Смага пересадил девушку на плоский камень у подножия кургана. Валдар шагнул к ней. Он видел, как дрожат её перепачканные пальцы, вцепившиеся в подол сорочки.

Он сорвал мешок.

Она зажмурилась от резкого света, судорожно глотая раскаленный воздух. Волосы спутались, на лбу выступила испарина. Но когда она открыла глаза, Валдар снова увидел в них только растерянную, смертельно уставшую девушку. Его кровь не давала ему увидеть в ней божество — он видел человека.

— Твоя волшба созывает новых псов, — сказал он, кивнув в сторону дрожащего марева степи. — Пять всадников. Ждут нас у балки.

Ладолея вздрогнула. Её взгляд метнулся к горизонту.

— Они не спасут тебя, — Валдар говорил ровно. — Это степняки. Чужая кровь. Твое ведовство одурманит их, они кинутся убивать моих людей, а мой десяток перестал быть военной силой. Мои воины теперь — сторожевые псы, и грызться будут друг с другом за твой

взгляд, а не с врагом за свою жизнь. Сила твоего рода слепа, ей всё равно, кто станет мясом для степных стрел. Ты этого хочешь? Еще больше мертвецов на твоей совести?

Она молчала. Её разбитые губы дрогнули. Волшба внутри неё забилась, пытаясь нащупать путь к его сердцу, но разбилась о глухой лёд его воли.

— Я не звала эту силу, — прошептала она. — Она сама. Она боится.

— Значит, прикажи ей замолчать, — Валдар поднялся. — Иначе я надену на тебя мешок и не сниму до самого стольного града. А там тебя ждет каменный поруб, где нет ни солнца, ни мужчин, которыми можно играть.

Он развернулся к Смаге. Векша со склона холма знаками показывал: степняки начали движение.

— Готовься, — бросил Валдар отряду. — Сейчас поле заговорит сталью.

Он вскочил в седло. Сабля привычно легла под руку. Впереди был грязный, кровавый бой, а за спиной — девка, чья слепая кровь была опаснее вражеских стрел.

Глава 6. Засада

Степь не кричала — она заманивала тишиной. Звонящий зной висел над ковылем, плотный и неподвижный, точно застывший воск. Отряд втянулся в глубокую балку, где дно поросло колючим кустарником и жухлой травой. Здесь, в низине, воздух застоялся, пах перегретой землей и лошадиным потом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.